

СТАТЬИ

АЛГОРИТМИЧЕСКОЕ ПРИНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ РЕШЕНИЙ

В. И. Елисеев

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Аннотация

Алгоритмы широко внедряются для принятия юридически значимых решений в частноправовых отношениях: алгоритмы отбирают кандидатов на вакансии, совершают сделки, блокируют банковские счета. Актуальность исследования состоит в том, что существующие нормы и доктринальные подходы не во всех случаях способны адекватно решать правовые проблемы, которые порождают ошибки в работе алгоритмов и непрозрачность процесса алгоритмического принятия решений, особенно при применении искусственного интеллекта, действующего по принципу «черного ящика». Цель статьи — исследовать, как делегирование юридически значимых решений алгоритмам с возрастающей степенью автономности влияет на частноправовые отношения, и определить, можно ли адаптировать известные в доктрине и законодательстве правила для урегулирования возникающих проблем или требуется их концептуальный пересмотр. В статье проанализированы нормы российского гражданского законодательства и законодательства о персональных данных, нормы и практика применения европейского Общего регламента о защите персональных данных (GDPR), а также отечественная и зарубежная научная литература, посвященная вопросам алгоритмического принятия решений, прозрачности и подотчетности алгоритмов и специальных правовых гарантий для снижения риска принятия с помощью алгоритмов неправомерных решений. В результате исследования установлено, что ошибки алгоритмов и непрозрачность их работы могут приводить к несовпадению воли субъекта и волеизъявления, выраженного в принятом алгоритмом решении. Теория алгоритма как представителя (агента) оказывается непригодной для решения возникающих из-за этого проблем. Предложено квалифицировать алгоритмические решения как юридические факты — правомерные или неправомерные действия субъекта, который делегировал принятие решений алгоритму. Правомерность автоматизированных решений подлежит оценке наравне с другими действиями субъектов права, что не исключает оценку субъективной стороны поведения субъекта с учетом ошибок в работе алгоритмов и мер, принятых субъектом при внедрении и использовании алгоритмов. Исходя из этого предложен вариант интерпретации понятий воли, знания, добросовестности при принятии решений алгоритмом. Алгоритмическую прозрачность и подотчетность предложено рассматривать в качестве элемента системы управления рисками и условия контроля за правомерностью автоматизированных решений. Право заявить возражение против алгоритмического решения эффективно при условии, что рассмотрение возражения человеком включает анализ логики решения, поиск и устранение ошибок, которые повлияли на решение. В то же время оспаривание автоматизированных решений в судебном порядке не является универсальным способом защиты. Предметом спора могут быть неправомерные действия субъекта и предусмотренные для конкретной ситуации способы защиты.

Ключевые слова

автоматизированная обработка данных, алгоритмическое принятие решений, воля и волеизъявление, дискриминация, искусственный интеллект, персональные данные, прозрачность, черный ящик

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имеет спонсорской поддержки.

Благодарности

Благодарю организаторов Всероссийского молодежного конкурса работ по праву информационных технологий и интеллектуальной собственности (IP&IT LAW — 2026) за мотивацию и вдохновение написать работу.

Для цитирования

Елисеев, В. И. (2026). Алгоритмическое принятие юридически значимых решений. *Цифровое право*. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2026-7-5>

Поступила: 01.02.2026; принята в печать: 25.03.2026

ARTICLES

ALGORITHMIC DECISION-MAKING IN PRIVATE LAW

Vitalii I. Eliseev

Saint Petersburg State University

7–9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, Russia, 199034

Abstract

Algorithmic decision-making is becoming widely used in private law. Today, algorithms are routinely employed to screen job applicants, execute transactions, and freeze bank accounts. However, existing rules and doctrinal approaches do not always provide adequate responses to the legal challenges posed by algorithmic errors and the lack of transparency in algorithmic decision-making systems, particularly in cases where decisions are generated by artificial intelligence operating as a “black box.” In this article, the author sets out to examine how the delegation of legally significant decisions to increasingly autonomous algorithms affects private law relationships. The author analyzes whether the established doctrinal principles and legislative rules are capable of resolving the emerging problems, or whether they require conceptual reconsideration. The study draws on the provisions of Russian civil law and personal data legislation, the provisions and practice of the EU General Data Protection Regulation (GDPR), as well as domestic and international academic literature on algorithmic decision-making, algorithmic transparency and accountability, and legal safeguards designed to mitigate the risk of unlawful algorithmic decisions. It was found that algorithmic errors and the opacity of algorithmic decision-making can lead to a discrepancy between the data subject’s will and the will expressed through the algorithmic decision. The concept of the algorithm as a representative (agent) proves unsuitable for addressing the resulting legal issues. It is argued that algorithmic decisions should be classified as legal facts constituting either lawful or unlawful acts of the individual who delegated the process of decision-making to the algorithm. The lawfulness of automated decisions should be assessed on a par with other actions of legal subjects, while taking into account the subjective element of the subject’s conduct, including algorithmic errors and the measures taken by the subject during the implementation and use of algorithms. On this basis, the author proposes a reinterpretation of the concepts of intent, knowledge, and good faith in the context of algorithmic decision-making. It is argued that algorithmic transparency and accountability should be regarded as components of a risk management system and as prerequisites for monitoring the lawfulness of automated

decisions. The right to object to an algorithmic decision is effective only provided that human review includes an analysis of the decision-making logic, as well as the identification and correction of errors that influenced the decision. At the same time, judicial review is not a universal remedy against automated decisions, since the proper subject of litigation can be the unlawful conduct of the party responsible for the algorithmic decision and specific remedies applied in individual situations.

Keywords

accountability, algorithmic decision-making, artificial intelligence, automated data processing, discrimination, black box, personal data, transparency

Conflict of interest	The author declares no conflict of interest.
Financial disclosure	The study has no sponsorship.
Acknowledgments	The author gratefully acknowledges the organizers of the All-Russian Youth Competition on Information Technology and Intellectual Property Law (IP&IT LAW –2026) for their inspiration and encouragement to write this article.
For citation	Eliseev, V. I. (2026). Algorithmic decision-making in private law. <i>Digital Law Journal</i> . https://doi.org/10.38044/2686-9136-2026-7-5

Submitted: 1 Feb. 2026, accepted: 25 March 2026

Введение

Замена человека на автоматический механизм для совершения юридически значимых действий не является изобретением XXI в. Почему же за последние несколько лет значительно возрос интерес к темам алгоритмического принятия решений, использования искусственного интеллекта (ИИ) при заключении договоров и ответственности за решения алгоритмов? Является ли это следствием общей популярности ИИ или юридическая наука на самом деле столкнулась с новыми вызовами?

Представьте не очень удачный день. На телефон приходит уведомление о блокировке счета: алгоритм банка посчитал последние операции сомнительными. В личный кабинет на сайте для поиска работы один за одним поступают уведомления о неготовности пригласить на собеседование: алгоритмы сравнили резюме с текстом вакансий и не нашли достаточной доли совпадений. На пороге дома стоит курьер с 20 кг рыбы с истекающим завтра сроком годности: программное обеспечение умного холодильника по ошибке сделало несколько повторяющихся заказов.

Цель статьи — исследовать, как исключение человека из процесса принятия юридически значимых решений и делегирование решений алгоритмам, автономность которых стремительно возрастает, влияют на правоотношения. Возникают ли новые правовые риски и проблемы? Достаточно ли для их решения существующих правовых институтов или предстоит концептуально пересмотреть привычные подходы? Требуется ли дополнительные правовые гарантии защиты от неправомерных алгоритмических решений?

В разделе статьи «Технические аспекты и право» показано, как развитие технологии алгоритмов влияет на правовые риски. Раздел «Алгоритмы в системе субъектов и юридических фактов» содержит анализ теории алгоритма как представителя и определяет место алгоритмических решений в системе юридических фактов. В разделе «Алгоритмы и теория воли

и волеизъявления» изучено, как следует интерпретировать субъективные понятия воли, знания, добросовестности, ошибки при принятии решения алгоритмом. В фокусе раздела «Правовые гарантии при использовании алгоритмов» правила, появившиеся в праве как ответ на специфические риски применения алгоритмов.

Исследование ограничено вопросами частного права и не затрагивает проблемы алгоритмического принятия решений органами публичной власти.

Технические аспекты и право

Что находится в «черном ящике»?

Интерес к теме алгоритмического принятия решений отчасти вызван количественным фактором: число разрабатываемых в этой области программ выросло, и расширилась область их применения. Вместе с тем новым является качественный фактор, связанный с переходом к новому этапу автоматизации в праве.

В литературе выделяют три этапа автоматизации в праве. На первом (с начала 1960-х гг.) началась автоматизация поиска источников правовой информации с помощью электронных средств. На втором этапе стали предприниматься попытки перевести источники права в программный код для применения программами норм. Переход к последнему этапу связан с использованием машинного обучения для задач правового характера (Tamò-Larrieux et al., 2025, pp. 4–12).

Машинное обучение связано с появлением алгоритмов, которые работают по принципу «черного ящика» (*black box*). Технически «черный ящик» появляется из-за того, что алгоритмы, основанные на технологии искусственного интеллекта и машинного обучения (далее — алгоритмы ИИ), выдают ответ не в результате исполнения строго заложенной разработчиком логики и условий («если — то — иначе»), а благодаря тому, что научились угадывать результат в процессе обучения.

В классический калькулятор заложена строго детерминированная логика, поэтому ответом на пример « $2 + 2$ » будет «4». Алгоритм ИИ учится выводить ответ «4» в результате многократного повторения правильных и неправильных вариантов. Если в процессе обучения повторять « $2 + 2 = 5$ », то алгоритм ИИ станет выдавать этот ответ, игнорируя правила сложения. Работа классического алгоритма основана на дедуктивном методе. Машинное обучение происходит от частного к общему, из-за чего в работе алгоритмов ИИ возникают присущие методу индукции логические ошибки.

Остроумное сравнение программы с «цифровым нунцием» и «лишь инструментом трансляции воли стороны» (Karapetov, 2020a, p. 703) справедливо для классического алгоритма («если покупатель внес в автомат 100 рублей, то автомат выдает товар N »). Но алгоритмы ИИ по своей природе создают пробел между объективным намерением, волей лица и результатом, который показывает алгоритм (Scholz, 2017, p. 136).

Проблема «черного ящика» в праве — это непрозрачность и неподотчетность функционирования алгоритмов (Kuteynikov et al., 2020, p. 141). Если алгоритм, логика работы которого не полностью находится под контролем разработчика, применяют для принятия юридически значимых решений, то возрастает риск неправомерных или непредсказуемых решений. В связи с этим Ю. С. Харитонова справедливо отмечает: «Требуется создание критериев проверки результатов работы искусственного интеллекта для целей соблюдения прав и свобод граждан, защиты государственных и общественных интересов» (Kharitonova, 2023, p. 343).

Рассмотрим правовые последствия ошибок в работе алгоритмов.

Почему алгоритмы ошибаются и какие правовые риски это создает?

Принятие алгоритмами юридически значимых решений сопряжено с риском нарушения прав и интересов третьих лиц. В источниках описаны примеры дискриминации из-за некорректного обучения алгоритмов ИИ (Morondo Taramundi, 2022, p. 75), отказа в кредитовании из-за использования необоснованных критериев при скоринге (Kuznetsova, 2025, pp. 97–98), нарушения прав и неприкосновенности частной жизни работников из-за обработки избыточной информации (Krylov, 2024, pp. 76–94; 143–148; 161–167), манипулирования рынком при использовании алгоритмов на организованных торгах (Scholz, 2017, pp. 130–131).

Наиболее распространенная причина реализации рисков — ошибки в работе алгоритмов. Они возникают в работе любых программ, но в рамках настоящей статьи выделим типовые причины, которые способны привести к последствиям правового характера:

- некачественная разработка программы (например, разработчик программы для торгового автомата не предусмотрел сценарий, когда товар закончился, и создал условия для нарушения продавцом обязательств по договору купли-продажи);
- неправильная эксплуатация технических средств, которые исполняют алгоритм (например, ошибка подключения к базам данных, платежным сервисам);
- некорректные данные для машинного обучения (полнота, точность и актуальность данных влияют на результаты работы алгоритма)¹;
- некачественное обучение модели (если человек обучил модель принимать незаконные решения, то алгоритм будет воспроизводить их как правильные).

Как видно, некоторые ошибки характерны для любых алгоритмов, а некоторые — только для алгоритмов ИИ. Оценка причины ошибок имеет значение в той степени, в которой право предъявляет к субъекту требования разумности, должной осмотрительности, знания определенных обстоятельств и др.²

Следует разграничить ошибки в техническом смысле и правовую оценку их последствий. Право должно оценивать последствия алгоритмических решений для прав и обязанностей субъектов. Разработчик алгоритма может намеренно запрограммировать сценарий, реализация которого в техническом смысле не будет ошибкой, но который будет нарушать нормы права. Например, алгоритм для первичного отбора резюме кандидатов составлен так, чтобы отклонять резюме беременных женщин. Техническая ошибка может повлечь правовые последствия, если вопреки задуманному разработчиком сценарию алгоритм принимает неправомерное решение. Но, разумеется, технические ошибки могут иметь нейтральную правовую окраску, когда не приводят к принятию незаконного решения.

Ошибки алгоритмов и «черный ящик» в алгоритмах ИИ могут привести к несовпадению сценария, который предполагало внедрившее алгоритм лицо и который фактически сработал. Можно ли тогда приравнивать решения алгоритма к решениям субъекта?

¹ По этой причине статья 10 Регламента ЕС «Об искусственном интеллекте» предъявляет специальные требования к качеству данных для обучения и работы высокорисковых алгоритмов ИИ (См.: Regulation 2024/1689, of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down Harmonised Rules on Artificial Intelligence and Amending Regulations 300/2008, 167/2013, 168/2013, 2018/858, 2018/1139 and 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, 2016/797 and 2020/1828 (Artificial Intelligence Act), 2024 O.J. (L 2024/1689) 57–58)

² См. подразд. «Как оценивать субъективную сторону при использовании алгоритма в сделках?» и «Алгоритмическая прозрачность».

Алгоритмы в системе субъектов и юридических фактов

Алгоритмы — агенты?

Мы не будем останавливаться на теории признания алгоритмов субъектами права по аналогии с юридическими лицами. Присоединимся к выводу М. Шерера: «Мы живем в обществе, которое не готово и не желает признавать правосубъектность ИИ. Системы ИИ еще не достигли того уровня, когда ИИ как субъект права будет иметь экономический и, тем более, этический смысл. Когда-нибудь экономические и социальные предпосылки могут сделать правосубъектность ИИ более обоснованной и практичной» (Scherer, 2019, p. 290).

Отрицание правосубъектности ИИ не препятствует исследователям проводить аналогии с другими правовыми институтами. Цель — найти ответ на два вопроса. Во-первых, по каким правилам субъекты несут ответственность за решения и действия, выполненные с помощью ИИ? Во-вторых, как решить проблему ошибок в работе алгоритмов при заключении договоров, когда воля субъекта и результат работы алгоритма могут не совпадать?

Ученые проводят аналогию взаимодействия субъекта и алгоритма с отношениями между принципалом и агентом, который действует от имени принципала. Сходство состоит в том, что субъекты права поручают алгоритмам выполнять определенные задачи так же, как работникам и другим представителям, а решения алгоритмов создают юридические последствия непосредственно для организации-принципала (Scherer, 2019, pp. 285–286). Теория агента позволяет связать намерение субъекта (принципала) заключить договоры без осознания всех условий и действия алгоритма по восполнению пробелов и заключению договоров с конкретными контрагентами (Scholz, 2017, p. 154).

В разрезе деликтной ответственности перед третьими лицами М. Шерер усложняет теорию. Алгоритм выступает как агент нескольких принципалов — первоначальных разработчиков и пользователей (операторов), которые могут изменять, дорабатывать или переучивать оригинальный алгоритм. Более того, по мнению автора, разработчика, который разрешил пользователям изменять свой алгоритм, и пользователей тоже связывают отношения, аналогичные агентским. Предоставление разработчиком возможности модифицировать алгоритм приравнивается к наделению пользователя полномочиями агента (Scherer, 2019, pp. 287–289).

В свою очередь, Ш. Байерн возражает против теории алгоритма как агента и приводит следующие аргументы. Во-первых, правила агентирования бесосновательно усложняют ответ на вопрос о последствиях непредсказуемых ошибок в работе алгоритма, так как отсылают к категориям знания, намерений и разумности всех сторон отношений при агентировании, в том числе агента. Во-вторых, теория агента создает неопределенность в вопросе, кто является принципалом. В-третьих, правила об ответственности агента перед принципалом и третьими лицами, которые имеют принципиальное значение в регулировании агентских отношений, не применяются к алгоритмам из-за того, что они не признаются субъектами права и не могут самостоятельно нести ответственность (Bayern, 2020, pp. 157–161).

Взамен Ш. Байерн предлагает рассматривать алгоритмы как договоры. Он полагает, что проблемы непредвиденных ошибок в работе алгоритмов успешнее решают нормы договорного права о правилах толкования договоров, оценке намерения сторон (воли) и внешнем выражении намерения (волеизъявления) (Bayern, 2020, pp. 158–161).

Известно сравнение ответственности за ошибки алгоритмов с ответственностью родителей за несовершеннолетних и хозяев за вред, причиненный животными. Но даже для деликтной ответственности аналогия оказывается несостоятельной. Несовершеннолетние являются

субъектами права в отличие от алгоритмов, а влияние на их поведение родителей, особенно с определенного возраста, намного меньше, чем влияние разработчиков на алгоритм (Scherer, 2019, p. 285). Правила об ответственности хозяев за животных не помогают решить сложный вопрос о распределении ответственности между разработчиками и пользователями алгоритма (Scherer, 2019, p. 283).

Аналогия с известными правовыми институтами — правильный шаг при исследовании любой новой (или представляющейся таковой) правовой проблемы. Привлекательность аналогии алгоритмов с агентами усиливается, потому что в технической терминологии можно встретить словосочетания: «ИИ-агент», «интеллектуальный агент», «цифровой агент». Понятием «электронный агент» более 20 лет оперируют нормативные акты³ и научные публикации⁴.

Корректность аналогии можно проверить через применение ключевых норм правового института, с которым она проведена. К ключевым нормам института представительства можно отнести положения, определяющие основания полномочий и последствия выхода представителя за пределы полномочия. Рассмотрим возможность их применения к отношениям, в которых используется алгоритм.

Основания полномочий представителя

Основанием «полномочий» алгоритма не выступает договор или доверенность в силу отсутствия у него правосубъектности. Субъекты, делегирующие принятие решений алгоритмам, как правило, не издают документов, которые можно рассматривать в качестве доверенности. Организация может выпустить приказ о введении в эксплуатацию программы, но этот документ обычно имеет внутренний характер и не преследует цель удостоверить «полномочия» перед третьими лицами. Нельзя отнести алгоритмы к представителям по закону как в силу отсутствия указания в законе, так и в силу того, что «законное представительство для представляемого — это всегда воля, навязанная представляемому извне» (Karapetov, 2018, p. 937), а решение применять алгоритм субъекты принимают свободно.

Остается представительство, явствующее из обстановки (видимость полномочий). Практическая ценность аналогии выражается в защите третьих лиц от ссылок представляемого (принципала) на то, что он лично не совершал сделку, поэтому решение алгоритма не создает для представляемого прав и обязанностей. В качестве обстановки можно рассматривать обстоятельства, при которых третьи лица не понимают, что взаимодействуют с алгоритмом, а не лично с субъектом или его работником (например, чат-боты), или осознают намерение другой стороны делегировать действия алгоритму (например, товар доступен для заказа только в автоматическом режиме через сайт по цене, определенной алгоритмом).

Вместе с тем признание алгоритма представителем в силу обстановки малопригодно для решения проблемы ошибок в работе алгоритма и не вносит ясности в пределы его «полномочий». Защита же третьих лиц, которые полагали, что вступают в правоотношения непосредственно с субъектом, автоматизирующим юридически значимые решения с помощью алгоритма, возможна посредством иных норм, в том числе эстоппеля. Как справедливо отмечает Е. А. Папченкова: «В целом доктрина видимости полномочий (в понятийном аппарате ГК РФ — полномочий в силу

³ См., например, Единый закон об электронных сделках, воспринятый большинством штатов США (Uniform Electronic Transactions Act, 7A U.L.A. 211 (1999)), доступный для ознакомления по ссылке: <https://www.uniformlaws.org/committees/community-home/librarydocuments?communitykey=2c04b76c-2b7d-4399-977e-d5876ba7e034&tab=librarydocuments>

⁴ См., например: Weitzenboeck (2001, pp. 204–234); Erakhtina & Khramoeva, (2021, pp. 85–90).

обстановки) близка к концепции “эстоппель”. Право защищает разумные ожидания третьих лиц, возникшие в результате действий или бездействия другого лица» (Karapetov, 2018, p. 952).

Последствие выхода представителя за пределы полномочий

Институт представительства основан на предпосылке о существовании трех субъектов: представляемого, представителя и третьих лиц. Предпосылка остается верной независимо от того, считаем ли мы полномочие представителя действовать от имени представляемого субъективным правом, секундарным правом или особым правовым явлением. Из этой предпосылки выведено правило, что при отсутствии полномочий действовать от имени другого лица сделка считается заключенной от имени и в интересах совершившего ее лица.

В отношении алгоритмов ключевая норма института представительства не работает. Алгоритм не может стать стороной договора и нести перед третьим лицом ответственность за его исполнение. Нормы о представительстве оказываются бесполезными для решения спорных вопросов о последствиях ошибок в работе алгоритма, даже если рассматривать такие ошибки как выход алгоритма за пределы полномочий.

Применимость прочих положений

Другие нормы о представительстве тоже сложно применять к отношениям, связанным с использованием алгоритмов. Бесполезны правила о доверенности, передоверии, сроке, прекращении полномочий. Нельзя применить и нормы о договорах поручения и агентирования.

Таким образом, использование алгоритмов для принятия юридически значимых решений и институт представительства связывают лишь созвучность терминов («представитель», «агент») и задача защитить третьих лиц, рассчитывающих вступить в правоотношения с субъектом, который лично с третьим лицом не взаимодействует. Однако нормы о представительстве бесполезны для решения большинства проблем, вытекающих из использования алгоритмов, в частности из ошибок в их работе.

Решения алгоритмов как юридические факты

Аналогия между алгоритмами и субъектами права (представителями, агентами, работниками, несовершеннолетними) малоприменима для решения практических задач до тех пор, пока право не признает алгоритмы правосубъектными, а необходимости, как отмечалось ранее, в этом сейчас нет.

Взгляд на алгоритмы как на объекты гражданских прав тоже малоперспективен. Бесспорно, программы охраняются в качестве объектов авторских прав, а некоторые реализованные в программах алгоритмы можно запатентовать в качестве изобретения-способа⁵ или сохранить в тайне как секрет производства. Право интеллектуальной собственности при разработке и использовании алгоритмов имеет большое значение, но не регулирует вопросы, связанные с принятием алгоритмами юридически значимых решений.

Как рассматривать алгоритмы в целях настоящего исследования? На наш взгляд, правильно ставить вопрос не о том, что такое алгоритм (субъект или объект права), а о том, какие юридические факты могут создавать алгоритмы, и какие последствия они порождают для субъектов права.

⁵ См., например: патенты на изобретение РФ № 2723448 «Способ расчета кредитного рейтинга клиента» (публикация RU 2723448 C1, 11.06.2020), № 2711717 «Рекомендательная система подбора персонала с использованием машинного обучения и с понижением размерности многомерных данных и способ подбора персонала с использованием машинного обучения и с понижением размерности многомерных данных» (публикация RU 2711717 C1, 21.01.2020).

Юридические факты по волевому признаку принято разделять на события и действия. Так, О. С. Иоффе заключал: «События носят неволевой характер в своем процессе, независимо от причин их возникновения, тогда как действия являются волевыми не только в своей причине, но и в своем процессе» (Ioffe, 2020, р. 631). Алгоритмы применяют, чтобы исключить человека из процесса принятия решений, поэтому можно было бы предположить, что все алгоритмические решения относятся к событиям. Но в разделе «Алгоритмы и теория воли и волеизъявления» мы покажем, что воля субъекта права не устраняется из процесса. Кроме того, квалификация алгоритмических решений в качестве событий не приближает к решению практических задач.

Таким образом, остается признать, что алгоритмические решения в классификации юридических фактов необходимо полагать действиями. Исходя из этого, алгоритмически принятые решения можно квалифицировать в качестве правомерных или неправомерных действий.

Правомерные правовые последствия — это основная цель, ради которой разрабатывают и внедряют алгоритмы. В частноправовых отношениях алгоритмы чаще всего позволяют автоматизировать процессы заключения и исполнения договоров, но есть примеры применения алгоритмов для голосования на собраниях акционеров⁶.

Неправомерные действия могут совершаться по причине намеренно заложенных субъектом в работу алгоритма параметров и вследствие ошибок. Здесь на первый план выходят проблема «черного ящика» и прозрачность как правовая гарантия, конечная цель которой — снизить или вовсе устранить риски, связанные с применением алгоритмов⁷.

В основе деления действий на правомерные и неправомерные лежит соответствие законодательству и принципам права. Следовательно, правомерность алгоритмически принятых решений подлежит оценке наравне с другими действиями субъектов права. В этом смысле подход является технологически нейтральным, но не исключает оценку субъективной стороны поведения субъекта с учетом возможных ошибок в работе алгоритмов и мер, принятых субъектом при внедрении и использовании алгоритмов.

Алгоритмы и теория воли и волеизъявления

Концептуальная революция?

«Современное право основано на предположении, что юридически значимые решения принимают только люди. Этот фундаментальный, но негласный принцип будет нарушен по мере того, как юридически значимые решения будут все больше автоматизироваться, что ставит перед правовыми системами мира величайшую концептуальную проблему со времен промышленной революции», — констатирует М. Шерер (Scherer, 2019, р. 291). Размышляя об исполнении смарт-контракта, А. И. Савельев полагает, что «[п]оскольку одним из ключевых элементов обязательства являются его направленность в будущее и последующие волевые действия (бездействие) обязанного лица по его исполнению, в ситуации, когда соответствующие

⁶ В январе 2026 г. компания *JPMorgan* заявила о прекращении работы с консультантами, которые формировали позицию для голосования на собраниях акционеров, и переходе на использование ИИ-платформы *Proxu IQ* (см.: Fox, M. (2026, January 7). *JPMorgan's asset management will no longer use controversial proxy advisors for shareholder votes*. CNBC. <https://www.cnbc.com/2026/01/07/jpmorgan-wont-use-controversial-proxy-advisors-for-shareholder-votes.html>).

⁷ См. подразд. «Правовые гарантии при использовании алгоритмов».

условия исполняются самим компьютером, утрачивает значение и само понятие “обязательство”» (Savelyev, 2016, p. 48)⁸.

При использовании алгоритмов можно усмотреть противоречие с традиционной теорией воли и волеизъявления. Понятие воли связано с человеком и состоянием его сознания. Когда человек исключен из процесса принятия решения, на первый взгляд, нельзя говорить о формировании воли. Лицо в момент принятия решения (например, заключения договора) даже не знает о нем. Достаточно ли этого для вывода об отсутствии воли при принятии таких решений? Нуждается ли теория воли и волеизъявления в концептуальном пересмотре?

Формирование одним человеком всех условий сделки необязательно для волеобразования. Кассир как представитель, чьи полномочия действовать от имени продавца явствуют из обстановки, не определяет цену товара, гарантийный срок и иные условия договора купли-продажи. Люди, которые установили эти условия, не участвуют в совершении конкретных сделок. Если лицо делегирует функции кассира-работника электронной кассе, это не означает отсутствия воли на заключение договора купли-продажи и соглашения как совпадения воли продавца и покупателя.

Таким образом, принятие юридически значимых решений возможно без формирования или осознания непосредственно субъектом правоотношения или его представителем всех условий индивидуального решения или конкретной сделки. Если субъект заменяет свои действия или действия представителей на алгоритм и задает параметры его работы, в этом проявляются его воля и намерение принять будущие юридически значимые решения и их последствия.

Субъективные категории ошибки, заблуждения, вины продолжают существовать при применении алгоритмов, но должны рассматриваться через призму воли субъекта на делегирование действий алгоритму. В этой части классические представления о волеобразовании и волеизъявлении действительно требуют адаптации.

В чем заключается воля субъекта при использовании алгоритма?

Воля субъекта выражается в решении использовать алгоритм вместо собственных действий и, как правило, в определении основных параметров применения алгоритма. К этим параметрам можно отнести *степень автономности алгоритма, степень прозрачности работы алгоритма, технические требования к алгоритму*.

Степень автономности алгоритма

Выделяют алгоритмы как простые инструменты (*пассивные программы*) и алгоритмы, которые формируют юридически значимые условия (*активные программы*).

Характеризуя пассивные программы, О. С. Ерахтина и А. Д. Храмова отмечают, что «[п]ассивные механизмы, обеспечивающие формирование контрактов, действуют только как устройство связи, ретранслируя представление пользователя, не изменяя его каким-либо образом» (Erakhtina & Khramoeva, 2021). Алгоритмы-инструменты автоматизируют волеизъявление, но все условия определяет субъект права. Например, простой интернет-магазин позволяет заказать товар на заранее определенных продавцом условиях. К ошибкам таких алгоритмов, из-за которых волеизъявление и действительная воля субъекта не совпадают, применимы общие подходы к решению проблемы несовпадения воли и волеизъявления по причине ошибки.

⁸ Исследователь определяет смарт-контракт как «договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе *Blockchain*, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств» (Savelyev, 2016, p. 46).

Активные алгоритмы формируют условия, которые субъект посчитал неэффективным определять самостоятельно (например, расчет цены договора). В этих алгоритмах повышается вероятность несовпадения результата работы алгоритма и воли человека.

Степень прозрачности работы алгоритма

В разделе «Технические аспекты и право» настоящей статьи мы уже разграничили алгоритмы, функционирующие по принципу «прозрачного ящика» (*rule-based algorithm*) с предсказуемым результатом исполнения алгоритма, и алгоритмы, работающие по принципу «черного ящика», когда человек формирует выборку данных для обучения и контролирует порядок обучения модели ИИ, но не может заранее предсказать, какой результат сформирует модель во всех возможных ситуациях. Алгоритмы второго типа позволяют решать задачи, которые не могут решить линейные алгоритмы, однако их использование повышает вероятность несовпадения алгоритмического решения и воли человека.

Технические требования к алгоритму

При принятии решения о применении алгоритма субъект выбирает перечень действий или процессов, которые предполагается автоматизировать, выбирает соответствующую программу и устанавливает требования к ее функциональным характеристикам и иным техническим параметрам.

Оценка волевой составляющей при принятии алгоритмических решений через параметры использования алгоритма позволяет в спорных ситуациях оперировать понятиями должной осмотрительности, вины, разумности — традиционными категориями, которые описывают субъективную сторону поведения лица. Например, если субъект внедряет алгоритм для оценки кандидатов при трудоустройстве и в технические требования включает дискриминационные условия, то принятие дискриминационных решений охватывается умыслом, даже если человек был полностью исключен из оценки конкретных кандидатов и принятия индивидуальных решений. Если лицо в том же примере не оценило риски и не минимизировало их, что привело к дискриминации в индивидуальных решениях, вина выражается в непринятии мер, соответствующих стандартам осмотрительности.

С учетом предложенного определения воли при использовании алгоритмов в следующем разделе обратимся к оценке субъективной стороны поведения лица при совершении сделок.

Как оценивать субъективную сторону при использовании алгоритма в сделках?

Право часто ставит наступление тех или иных последствий в зависимость от субъективной стороны поведения субъекта. Одинаковые по содержанию сделки могут быть действительными или оспоримыми в зависимости от добросовестности стороны, знания об определенных обстоятельствах, должной осмотрительности, заблуждения и др. Если сторона делегирует алгоритму совершение сделок, как оценивать субъективную сторону?

Рассмотрим две ситуации. В первом случае сторона, которая применяет алгоритм, ссылается на ошибку алгоритма как основание недействительности сделки. Во втором случае сделку оспаривает другая сторона, но закон ставит правовые последствия в зависимость от знания или добросовестности стороны, которая применяет алгоритм.

Сторона, которая применяет алгоритм, ссылается на ошибку алгоритма

В отношении алгоритмов, работающих по принципу «черного ящика», Л. Шольц отмечает: «Заключенные алгоритмами... договоры по своей природе создают пробел между объективно

выраженным намерением стороны, использующей алгоритм, и тем, что делает искусственный агент» (Scholz, 2017, p. 136). Сравним два возможных подхода реагирования правопорядка на данную проблему.

Сторона принимает любые риски ошибок, если делегирует алгоритму юридически значимые решения

В таком случае оказываются защищенными стабильность оборота и сторона, которая не контролировала использование алгоритма. Это коррелирует с тем, что любое лицо, принимающее решение об использовании программы, осознает возможность возникновения в ней ошибок. Следовательно, оно признает риск наступления неблагоприятных последствий вследствие таких ошибок менее значимым по сравнению с преимуществами автоматизации (к примеру, сокращение трудозатрат работников, возможность обработки больших объемов информации и иные преимущества). Наконец, выбор такого подхода создает стимулы для проявления повышенной осмотрительности при выборе программы и определении параметров ее использования.

Сторона может ссылаться на ошибку алгоритма как на основание оспаривания сделки

Такой подход в целом находит поддержку в литературе. Как отмечает С. В. Сарбаш: «Участие технических устройств, компьютерных программ не означает отсутствие у стороны своей воли на приобретение прав и осуществление обязанностей... Какой-либо сбой программного кода не может оставить соответствующее лицо без правовой защиты именно потому, что будет констатировано нарушение принципа автономии воли» (Karapetov, 2020b, p. 143). Применительно к нашему вопросу А. Г. Карапетов признает допустимым оспаривание сделок, усматривая проблему в расхождении воли и волеизъявления. В качестве способа ее разрешения он предлагает опираться на статью 178 ГК РФ, которая позволяет оспаривать сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения (Karapetov, 2020a, pp. 703–704).

Мы согласны с последним подходом. Ошибки свойственны как алгоритмам, так и людям. Если право допускает при определенных условиях защиту интересов стороны, сделавшей ошибку лично, то нет политико-правовых оснований исключать такую возможность при программных сбоях. В обоих случаях для оспаривания сделки недостаточно ошибки, а учитывается также фактическое или предполагаемое знание другой стороны о том, что волеизъявление не соответствовало воле субъекта. Это правило обеспечивает баланс между стабильностью оборота и защитой лица, допустившего ошибку.

Кроме того, подход позволяет однозначно трактовать ситуации, когда алгоритмическая ошибка вызвана действиями другой стороны договора. Например, когда другая сторона предоставила искаженные данные, на основе которых алгоритм принял ошибочное решение о заключении договора или его условиях.

Вместе с тем не любую ошибку алгоритма следует признавать достаточно значимой для оспаривания сделки. Необходимо оценивать степень осмотрительности стороны при применении алгоритма, поэтому сторона должна доказать причину ошибки.

Если сторона при внедрении алгоритма не приняла разумных мер, чтобы предотвратить ошибку (например, не выявила очевидных ошибочных сценариев работы, не обеспечила информационную безопасность в соответствии с отраслевыми стандартами, не проверила

источники данных), следует предполагать, что сторона приняла риск неблагоприятных последствий. При применении алгоритмов по принципу «черного ящика» стандарт осмотрительности должен быть повышенным из-за изначально большей вероятности непредсказуемых действий алгоритма.

Предложенный подход стимулирует ответственный подход к делегированию алгоритмам юридически значимых решений и поощряет тестирование и доработку алгоритмов. Если не учитывать осмотрительность стороны, то субъекты, которые принимают разумные меры и несут дополнительные издержки, окажутся в менее выгодном положении.

Правовые последствия зависят от знания или добросовестности стороны, которая применяет алгоритм

В примере с ошибкой условием признания сделки недействительной является осведомленность об ошибке другой стороны. Если вещь выбыла из владения по воле собственника, то от виндикационного иска может защититься только добросовестный приобретатель. Известны другие примеры, когда правовые последствия зависят от реального или предполагаемого знания стороны об определенных фактах.

Какие знания следует вменить субъекту, который применяет алгоритмы?

С. Л. Будылин, комментируя решения судов Сингапура по делу *Quoine Pte. Ltd. v. B2C2 Ltd.*⁹, выделяет несколько подходов к оценке действий сторон, которые делегировали заключение договоров роботам-алгоритмам (Budylin, 2022). В этом деле из-за технической ошибки покупатель купил на бирже криптовалюту по цене в 250 раз ниже рыночной. Одним из ключевых в споре был вопрос: можно ли признать, что покупатель должен был знать об ошибке? Чье сознание как покупателя должно оцениваться?

Рассмотрим подходы, предложенные при рассмотрении этого дела, а также иные варианты ответа на данные вопросы.

Разработчик алгоритма (программист)

Первый подход, положенный в основу решения суда первой инстанции и одобренный большинством Апелляционного суда Сингапура, заключается в том, чтобы «вменить стороне ментальное состояние программиста в момент программирования им робота» (Budylin, 2022, p. 65). Поскольку не было доказано, что программист разработал алгоритм в расчете на ошибку со стороны биржи (продавца), договор признан действительным, несмотря на ошибку.

На наш взгляд, подход с оценкой сознания программиста в момент программирования может работать в случае простых алгоритмов, как в рассмотренном деле, где был *один программист* и он же выступал стороной договора. Но чаще всего разработкой занимается коллектив авторов, а в программе используют части кода третьих лиц. Разработчик и пользователь алгоритма могут быть разными лицами, а пользователю могут быть доступны настройка условий функционирования программы или изменение кода программы. Наконец, алгоритмы ИИ из-за принципа «черного ящика» не имеют строгих логических инструкций от разработчика, а генерируют решения под влиянием множества факторов¹⁰. В этой ситуации сложно определить, чьи знания следует оценивать. Кроме того, вывод всегда будет гипотетическим, так как нельзя «снять отпечаток» с сознания программиста в определенный момент.

⁹ Quoine Pte Ltd. v. B2C2 Ltd. [2020] SGCA(I) 02 (Sing.).

¹⁰ См. подразд. «Что находится в “черном ящике”?».

Сторона договора, как если бы она лично заключала договор

Второй подход выражен в особом мнении судьи лорда Манса, которое С. В. Будылин резюмирует так: «Лорд Манс отдает предпочтение другому подходу, который судья первой инстанции обсуждал и отверг: что стороны знали и понимали бы, если бы самолично совершали спорную сделку? Фигурально выражаясь, нужно мысленно поставить стороны на место их роботов в момент совершения транзакции... Поскольку разумный трейдер сразу же распознал бы ошибку, транзакцию надо отменять, несмотря на вину биржи» (Budylin, 2022, pp. 65–66).

Этот подход носит характер допущения, основанного на том, что стороны лично принимали решение заключать сделку. Вместо оценки воли стороны, которая выражена в параметрах работы алгоритма¹¹, суд должен смоделировать, как поступила бы сторона, если бы она не делегировала действия алгоритму. В итоге суд должен на место стороны договора подставить абстрактный образ продавца или покупателя.

Впрочем, можно предложить и иные подходы, помимо упомянутых в деле *Quoine Pte. Ltd. v. B2C2 Ltd.*

Знания стороны ограничены доступными алгоритму данными

Третий возможный подход сводится к тому, чтобы оценивать знания стороны о сделке исходя из обработанной алгоритмом информации. Если обработанные данные содержат сведения, знание которых одной стороной дает другой стороне право оспорить сделку, то считается, что сторона знала или должна была знать информацию. Если указанные сведения не обрабатывались алгоритмом, то нельзя вменить стороне знание этой информации.

Подход кажется самым объективным, потому что предлагает оценивать фактические обстоятельства вместо гипотез. Но есть возражения: во-первых, именно сторона задает источники и объем данных для обработки алгоритмом, поэтому подход поощряет ограничивать объем данных, чтобы исключить те, знание которых нежелательно. Во-вторых, правовое значение обычно имеет не только то, что лицо знало, но и то, что должно было знать. Следовательно, подход не решает проблему комплексно и оставляет за скобками критерий должной осмотрительности.

Должная осмотрительность стороны в момент выбора параметров применения алгоритма

Предлагаемая четвертая альтернатива основана на том, чтобы оценивать субъективную сторону поведения в зависимости от того, какие параметры применения алгоритма определил субъект¹². Когда лицо принимает решение автоматизировать совершение сделок, оно должно проверить, по каким основаниям сделка может признаваться недействительной и какой стандарт осмотрительности принят в обороте для конкретного вида сделок. Исходя из этого, субъект может выбрать принцип работы алгоритма (алгоритм с простыми логическими инструкциями или алгоритм ИИ), установить ограничения по условиям сделок (по максимальной или минимальной цене, предмету, виду имущества), связать алгоритм с необходимыми источниками данных и определить иные параметры.

Например, если лицо автоматизирует заключение договоров с юридическими лицами, есть риск оспаривания крупных сделок, заключенных без одобрения органов юридического

¹¹ См. подразд. «В чем заключается воля субъекта при использовании алгоритма?».

¹² Как показано в подразд. «В чем заключается воля субъекта при использовании алгоритма?», именно в этом проявляется воля субъекта в отношении будущих решений и действий, автоматически принятых алгоритмом.

лица. Когда стандарт осмотрительности требует проверять, является ли сделка крупной¹³, алгоритм должен сравнивать цену сделки с балансовой стоимостью активов и принимать соответствующие решения. Если субъект проигнорировал или сознательно принял риск, не настроив данный алгоритм, то в споре о признании сделки недействительной можно считать, что субъект должен был знать о том, что она является крупной.

Предложенный подход похож на первый вариант, который предпочел Апелляционный суд Сингапура. Однако вместо сознания программиста мы предлагаем оценивать действия и степень осмотрительности субъекта, который делегировал юридически значимые решения алгоритму. Именно последний способен выявить риски, сопутствующие определенному виду решений или сделок, и использовать инструменты управления рисками. Подход применим к алгоритмам ИИ и позволяет оценивать осмотрительность субъекта на этапе машинного обучения и выбора данных для обучения. Это делает его технологически нейтральным, поэтому наиболее универсальным.

Правовые гарантии при использовании алгоритмов

Ранее мы рассмотрели, как общие понятия воли, волеизъявления, осмотрительности в частном праве можно адаптировать под особенности совершения сделок посредством алгоритмов. Вместе с тем существуют специальные правовые гарантии, цель которых снизить риск принятия с помощью алгоритмов неправомерных юридически значимых решений.

В качестве таковых гарантий обычно рассматривают *обеспечение прозрачности и подотчетности алгоритмов и предоставление права на возражение против юридически значимых решений, принятых алгоритмами*. Рассмотрим подробнее, насколько они эффективны и какие имеют ограничения.

Алгоритмическая прозрачность

В российском законодательстве требование прозрачности алгоритмов, которым делегированы юридически значимые решения, имеет ограниченную область применения. Оператор персональных данных, принимающий решение исключительно на основании автоматизированной обработки персональных данных (далее — ПД), должен получить согласие субъекта ПД, разъяснить порядок принятия решения, юридические последствия и порядок защиты прав (ст. 16 Закона о персональных данных¹⁴). При принятии решений, затрагивающих интересы работника, работодатель не имеет права основываться на ПД работника, полученных исключительно в результате их автоматизированной обработки (ст. 86 ТК РФ¹⁵).

Так, А. И. Савельев предлагает широко толковать термин «решение» и считать таковым в том числе вывод алгоритма о неплатежеспособности лица, склонности к совершению правонарушения, аффилированности с другим лицом и т. п. (Savelyev, 2021, pp. 317–318). Но даже

¹³ Пример приведен для иллюстрации. Согласно п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ «Об обжаловании в суд решений и постановлений судов первой инстанции, вынесенных при рассмотрении дел о признании недействительными крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» от 26 июня 2018 г. № 27 по общему правилу третье лицо может не проверять перед сделкой, является ли она крупной для контрагента. Но есть исключения, когда применяется повышенный стандарт осмотрительности.

¹⁴ Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ, Собрание законодательства Российской Федерации [СЗ РФ], 31.07.2006 г., № 31 (ч. 1), ст. 3451 (далее по тексту — Закон о персональных данных).

¹⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ, СЗ РФ, 07.01.2002 г., № 1 (ч. 1), ст. 3 (далее по тексту — ТК РФ).

при расширительном толковании категории «решение» Закон о персональных данных предоставляет гарантии только физическим лицам в связи с обработкой их ПД.

В то же время стандарт прозрачности, закрепленный ст. 16 Закона о персональных данных, оказывается достаточно низким. Оператор обязан разъяснить порядок принятия решения, его юридические последствия и порядок защиты прав субъекта. Вместе с тем нет обязанности раскрывать порядок работы алгоритма с такой степенью детализации, которая позволяла бы однозначно оценить причины принятия индивидуального решения. В литературе отмечают, что требование предоставлять субъекту персональных данных технические детали функционирования алгоритма противоречило бы охране интеллектуальной собственности оператора (Savelyev, 2021, pp. 319). Сложно вывести из лаконичных формулировок рассматриваемой нормы и обязанность оператора подробно раскрывать информации о данных, на основе которых алгоритм принимает решения. При этом такая информация часто необходима для оценки достоверности и нейтральности, репрезентативности данных, непредвзятости методов их обработки и анализа (Kharitonova, 2023, p. 344).

Интересно обратиться к европейскому опыту, где близкие по содержанию с российским законодательством нормы Общего регламента ЕС по защите данных (*General Data Protection Regulation, GDPR*)¹⁶ о правах субъектов при автоматизированной обработке их персональных данных нашли развитие в практике Суда ЕС (*European Court of Justice*). В соответствии со ст. 22 *GDPR* принимать решения, которые влекут для субъекта правовые последствия, на основании исключительно автоматизированной обработки допустимо только с согласия субъекта или в целях заключения или исполнения договора между субъектом и оператором.

Суд ЕС (*European Court of Justice*) в решении по запросу Административного суда Висбадена (Германия) сделал несколько важных разъяснений ст. 22 *GDPR*¹⁷. Во-первых, Суд подтвердил широкий подход к толкованию термина «решение». В этом деле решением признан скоринговый балл, который кредитное информационное агентство *SCHUFA* присвоило гражданину, так как балл непосредственно влияет на решение банка по заявке на кредит. Во-вторых, Суд обратил внимание на требования *GDPR* по обеспечению прозрачности решений, принятых на основании автоматизированной обработки. В частности, на то, что должны применяться научно подтвержденные математические и статистические алгоритмы и внедряться технические и организационные меры, минимизирующие риск ошибок. При этом согласно позиции суда национальный закон, на который полагается кредитное агентство как на законное основание обработки ПД субъекта, не соответствует требованиям *GDPR*, потому что не содержит достаточных гарантий соблюдения прав субъекта. Как следствие, обработка персональных данных происходит с нарушением *GDPR*.

Таким образом, мы видим, что по сравнению со ст. 16 Закона о персональных данных *GDPR* устанавливает более высокий стандарт прозрачности решений, принимаемых на основании автоматизированной обработки персональных данных.

Вместе с тем предмет регулирования *GDPR* и Закона о персональных данных ограничен отношениями по обработке данных физических лиц, но проблема прозрачности алгоритмических решений значительно шире. Алгоритмические решения применяются в отношениях между

¹⁶ Regulation 2016/679, of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation), 2016 O.J. (L 119) 46.

¹⁷ Case C-634/21, OQ v. Land Hessen, ECLI:EU:C:2023:957 (Dec. 7, 2023), <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62021CJ0634>

юридическими лицами и с участием государства, где тоже возникает риск принятия неправомерных решений из-за особенностей функционирования алгоритмов. В связи с этим следует согласиться с Ю.С. Харитоновой, по мнению которой необходимо расширять круг дискуссий вокруг прозрачности алгоритмов, поскольку прозрачность и объяснимость технологии важна и в любых ситуациях автоматизированной обработки данных и является условием для признания искусственного интеллекта заслуживающим доверия. (Kharitonova, 2023, p. 350).

Примером широкого подхода к обеспечению прозрачности алгоритмов является исследование профессора Калифорнийского университета С. Катъял, в котором прозрачность рассматривается в качестве необходимой гарантии при использовании любых алгоритмов для принятия решений, а не только связанных с обработкой персональных данных. С. Катъял констатирует, что прозрачность и подотчетность алгоритмов вступают в противоречие с охраной коммерческой тайны, но обосновывает необходимость сделать исключение из охраны коммерческой тайны. При этом под исключением из охраны коммерческой тайны понимается не обязанность разработчика публиковать исходный код и сведения, составляющие коммерческую тайну, а защита осведомителей (бывших или действующих работников организаций), которые раскрывают информацию о незаконных действиях под контролем организаций-работодателей, в том числе о дискриминации (Katyal, 2020, pp. 95–101).

Предложенное решение интересно тем, что основано на национальных политико-правовых особенностях и не имеет перспектив применения в странах, где нет аналогичной защиты осведомителей или где сведения о нарушении законодательства не могут составлять коммерческую тайну. Мы кратко осветили это решение с целью проиллюстрировать, что в разных странах формируются концептуально различные подходы к прозрачности алгоритмов. Это создает дополнительные сложности для разработчиков алгоритмов ИИ, чьи решения часто ориентированы на глобальный, а не только на национальный рынок.

На наш взгляд, цель прозрачности алгоритмов состоит не в достижении полной предсказуемости решений, что в принципе невозможно для алгоритмов ИИ. Скорее мы предлагаем рассматривать прозрачность как элемент системы управления рисками, обеспечивающий условия контроля за правомерностью алгоритмически принимаемых решений.

Для выполнения этой задачи прозрачность должна включать в себя документирование процесса разработки алгоритма, проверку данных (датасетов) для обучения модели ИИ, тестирование алгоритма для идентификации рисков нарушения прав и законных интересов третьих лиц и применение мер по минимизации таких рисков. В рамках контроля за правомерностью индивидуальных решений обеспечение прозрачности позволяет продемонстрировать, что субъект принял достаточные меры осмотрительности при внедрении алгоритма в свои процессы.

В этом значении можно провести аналогию с ответственностью директора за неисполнение обязательств контрагентами юридического лица, когда директор несет ответственность, если не выстроил систему управления обществом, которая обеспечивает должную осмотрительность при выборе контрагентов¹⁸. Вина лица, которое делегировало юридически значимые решения алгоритму, может выражаться в том, что не были приняты достаточные меры заботливости при его внедрении. При этом отдельной проблемой является поиск стандарта осмотрительности для разных видов алгоритмов.

¹⁸ Пункт 12 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июля 2025 г.).

Право заявить возражение против решения алгоритма

Второй гарантией для субъектов ПД при автоматизированной обработке выступает право заявить возражение против принятого решения, которое оператор должен рассмотреть в течение 30 дней (ч. 3, 4 ст. 16 Закона о персональных данных). Право на возражение подразумевает «право требовать вмешательства человека в процесс принятия решения» (Savelyev, 2021, p. 320). Право требовать вмешательства человека в процесс автоматизированного принятия решения в явном виде предусмотрено в ст. 22(3) *GDPR*.

Эффективность гарантии зависит от принятой оператором персональных данных процедуры рассмотрения возражений, которую российское законодательство специально не регламентирует. Если процедура включает информирование с достаточной степенью детализации о логике принятия решения, субъект может уточнить свои персональные данные (если, например, решение об отказе в одобрении кредита основано на неполной информации о доходах), а пересмотр осуществляет лицо, наделенное полномочиями принимать решения, то гарантия позволяет минимизировать негативные последствия ошибки. Если процедура проходит лишь с формальным вовлечением человека, который не уполномочен изменять решения алгоритма, гарантия не способна восстановить нарушенные права и законные интересы.

Право заявить возражение не подразумевает возможности оспорить любое юридически значимое алгоритмическое решение в судебном порядке. Оспорить в судебном порядке решение алгоритма можно в случаях, когда законодательство разрешает в целом оспаривать соответствующие решения или предоставляет специальные способы защиты. В частности, отказ предпринимателя заключить публичный договор является основанием для предъявления иска о понуждении заключить договор (п. 3 ст. 426 ГК РФ)¹⁹. Лица, которые подверглись дискриминации в трудовых отношениях, вправе обратиться в суд для восстановления нарушенных прав, возмещения материального вреда и компенсации морального вреда (ст. 3 ТК РФ). Эти правила в равной степени применяются при нарушении прав из-за человека и алгоритма.

Если алгоритм принял решение по вопросу, в котором субъект обладает дискрецией, и не нарушены субъективные права третьих лиц, то обжалование в судебном порядке невозможно. Как известно, свобода договора включает свободу выбора контрагента. Следовательно, сторона не обязана мотивировать отказ заключать договор, поэтому понудить заключить договор в судебном порядке нельзя, независимо от того, принято ли решение не заключать договор человеком или алгоритмом и по каким мотивам. Если в этом примере решение принято алгоритмом в отношении субъекта ПД без его согласия (нарушены условия обработки ПД), то предметом спора станут не оспаривание решения алгоритма и понуждение заключить договор, а нарушение прав субъекта ПД и, например, компенсация морального вреда (ч. 2 ст. 17 Закона о персональных данных).

Таким образом, право заявить возражение против принятого алгоритмом решения обретает реальное содержание при условии, что процедура рассмотрения возражения человеком действительно включает анализ логики решения, поиск и устранение ошибок, которые повлияли на решение. В этом смысле перспективы применения этой процедуры выходят за рамки законодательства о ПД. В противном случае это право не достигает своей цели — защитить третьих лиц от неправомерных действий и снизить риски, связанные с использованием алгоритма.

В то же время оспаривание алгоритмических решений по частноправовым вопросам в судебном порядке не является универсальным способом защиты. Предметом спора могут быть неправомерные действия субъекта и предусмотренные для конкретной ситуации способы

¹⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. СЗ РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.

защиты. Это соответствует концепции, согласно которой алгоритм не самостоятельный субъект, а правомерные или неправомерные действия в результате его применения являются действиями того лица, которое делегировало решения алгоритму.

Заключение

Сделаем основные выводы и предложения по итогам исследования.

1. Алгоритмы ИИ, действующие по принципу «черного ящика», повысили вероятность того, что предполагаемый человеком и фактический сценарии работы алгоритма не совпадут. В результате возрастает риск неправомерных решений и несоответствия решения алгоритма воле субъекта, если бы субъект принимал его лично.
2. Теория алгоритма как представителя (агента) и попытка применения по аналогии норм гражданского законодательства о представительстве оказываются непригодными для ответа на большинство спорных вопросов, связанных с использованием алгоритмов, в частности с последствиями ошибок. Корректнее рассматривать алгоритмически принятые решения как юридические факты — правомерные или неправомерные действия. Правомерность действий, автоматизированных с помощью алгоритмов, подлежит оценке наравне с другими действиями субъектов права, но оценка субъективной стороны поведения лица (в частности, вины) имеет особенности.
3. Повышение степени автономности алгоритмов само по себе не требует концептуального пересмотра теории воли и волеизъявления. Субъективные категории заблуждения, знания и вины сохраняют свое значение при применении алгоритмов, однако их предлагается рассматривать через призму воли субъекта, выражающейся в применении алгоритма вместо собственных действий и в определении основных параметров его использования (степени автономности и прозрачности алгоритма, а также технические требования к нему).
4. К действиям субъекта по определению параметров использования алгоритма предлагается применять стандарт должной осмотрительности. Непринятие при использовании алгоритма разумных мер, которые принято считать необходимыми и предполагаемыми в ходе его использования, позволяет лишить субъекта права ссылаться на ошибку алгоритма как на основание оспаривания сделки с другой стороной, а также установить вину в спорах об ответственности перед третьими лицами за алгоритмические решения.
5. Специальные гарантии, предусмотренные Законом о защите персональных данных, имеют ограниченную сферу применения, так как правовые риски алгоритмических решений выходят далеко за рамки защиты физических лиц при обработке ПД. Кроме того, стандарт прозрачности остается низким, а эффективность права на возражение против решения алгоритма зависит от выстроенного оператором процесса рассмотрения возражений.
6. Предложено рассматривать прозрачность как элемент системы управления рисками, который включает идентификацию рисков алгоритмического принятия решений, применение мер по их минимизации, а также возможность субъекта продемонстрировать эффективность и достаточность принятых мер осмотрительности при внедрении алгоритма в свои процессы.

Мы видим перспективы исследования и конкретизации стандартов осмотрительности при использовании алгоритмов принятия юридически значимых решений. В этом направлении целесообразно определить приоритетную форму таких стандартов (саморегулирование, обычаи, стандарты технического регулирования и др.) и их содержание с учетом причин и рисков алгоритмических ошибок, вида алгоритмов и области их применения.

Статья фокусируется на проблемах и рисках автоматизированного принятия юридически значимых решений. Вместе с тем алгоритмы способны устранить предвзятость и субъективизм, которые свойственны людям, повысить качество и скорость принятия решения благодаря возможности быстро обрабатывать большие массивы данных (Morondo Taramundi, 2022, p. 75), увеличить прозрачность юридически значимых решений за счет описания мотивов и предоставления обратной связи в ситуациях, когда человек не в состоянии это сделать из-за недостатка времени (например, при первичном отборе резюме кандидатов на должность). В связи с этим положительные эффекты от распространения алгоритмического принятия юридически значимых решений также не вызывают сомнений.

Список литературы / References

1. Bayern, S. (2020). Algorithms, agreements, and agency. In W. Barfield (Ed.), *The Cambridge handbook of the law of algorithms* (pp. 153–161). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108680844.008>
2. Budylin, S. (2022). Delo o bitve robotov, ili mozhет li smart-kontrakt byt' nedeystvitel'nyy? [The case of the battle of the robots, or can a smart contract be invalid?] *Vestnik Ekonomicheskogo Pravosudiya*, 46–70. <https://doi.org/10.37239/2500-2643-2022-17-3-46-70>
3. Erakhtina, O. S., & Khramoeva, A. D. (2021). Pravovaya priroda ehlektronnyh agentov: Voprosy teorii i pravoprimenitel'noj praktiki [The legal nature of electronic agents: Issues of theory and law enforcement practice]. *Zakony Rossi: Opyt, Analiz, Praktika*, (3), 85–90.
4. Ioffe, O. S. (2020). Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu. Iz istorii tsivilisticheskoy mysli. Grazhdanskoye pravootnosheniye. Kritika teorii "khozyaystvennogo prava" [Selected works on civil law: From the history of civil law scholarship. The civil law relationship. A critique of the theory of "Economic Law"] (4th ed.). Statut.
5. Karapetov, A. G. (Ed.). (2018). *Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost': postateynnyy kommentariy k stat'yam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Legal transactions, representation, and limitation periods: An Article-by-article commentary on articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation] (1st digital ed.). M-Logos.
6. Karapetov, A. G. (Ed.). (2020a). *Dogovornoye pravo (obshchaya chast')*: Postateynnyy kommentariy k stat'yam 420–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Contract law (general part): An article-by-article commentary on articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation] (2nd digital ed.). M-Logos.
7. Karapetov, A. G. (Ed.). (2020b). *Osnovnyye polozheniya grazhdanskogo prava: postateynnyy kommentariy k stat'yam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Fundamental principles of civil law: An article-by-article commentary on articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation] (1st digital ed.). M-Logos.
8. Katyal, S. K. (2020). Private accountability in an age of artificial intelligence. In W. Barfield (Ed.), *The Cambridge handbook of the law of algorithms* (pp. 47–106). <https://doi.org/10.1017/9781108680844.004>
9. Kharitonova, Yu. S. (2023). Pravovyye sredstva obespecheniya printsipa prozrachnosti iskusstvennogo intellekta [Legal means of providing the principle of transparency of the artificial intelligence]. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 337–358. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.14>
10. Krylov, I. V. (2024). *Trudopravovyye aspekty ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta* [Labour law aspects of artificial intelligence use] [Doctoral dissertation, Lomonosov Moscow State University]. Dissovet 2.0. <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3027>
11. Kuteynikov, D. L., Izhaev, O. A., Zenin, S. S., & Lebedev, V. A. (2020). Algoritmicheskaya prozrachnost' i podotchetnost': Pravovyye podkhody k razresheniyu problemy «chernogo yashchika» [Algorithmic transparency and accountability: Legal approaches to solving the problem of «black box»] [Algorithmic trans-

- parency and accountability: Legal approaches to solving the "black box" problem]. *Lex russica*, 73(6), 139–148. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.163.6.139-148>
12. Kuznetsova, S. (2025). Osobennosti pravovogo regulirovaniya skoringa v Soyedinennykh Shtatakh Ameriki i Evropeyskom Soyuze [Features of legal regulation of scoring in the United States of America and the European Union]. *Lex russica*, 78(10), 90–106. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.227.10.090-106>
 13. Morondo Taramundi, D. (2022). Discrimination by machine-based decisions: Inputs and limits of anti-discrimination law. In B. Custers, & E. Fosch-Villaronga (Eds.), *Law and Artificial Intelligence* (pp. 73–85). T.M.C. Asser Press The Hague. https://doi.org/10.1007/978-94-6265-523-2_4
 14. Savelyev, A. (2016). Dogovornoe pravo 2.0: "Umnye" kontrakty kak nachalo kontsa klassicheskogo dogovornogo prava [Contract law 2.0: "Smart contracts" and the beginning of the end of the classic contract law]. *Vestnik Grazhdanskogo Prava*, 16(3), 32–60.
 15. Savelyev, A. (2021). *Nauchno-prakticheskiy postateynny kommentariy k Federal'nomu zakonu «O personal'nykh dannykh»* [An article-by-article scholarly and practical commentary on the Federal Law "On Personal Data"] (2nd ed.). Statut.
 16. Scherer, M. U. (2019). Of wild beasts and digital analogues: The legal status of autonomous systems. *Nevada Law Journal*, 19(1), 259–292. <https://ssrn.com/abstract=3223174>
 17. Scholz, L. (2017). Algorithmic contracts. *Stanford Technology Law Review*, 20(2), 128–169. <https://ir.law.fsu.edu/articles/607/>
 18. Tamò-Larrieux, A., Guitton, C., & Mayer, S. (2025). *AI and law: How automation is changing the law*. Chapman and Hall; CRC Press. <https://doi.org/10.1201/9781003386919>
 19. Weitzenboeck, E. M. (2001). Electronic agents and the formation of contracts. *International Journal of Law and Information Technology*, 9(3), 204–234. <https://doi.org/10.1093/ijlit/9.3.204>

Сведения об авторе:

Елисеев В. И. — кандидат юридических наук, преподаватель, юридический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

viteliseev@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0927-512X>

Information about the author:

Vitalii I. Eliseev — Ph.D. in Law, Lecturer, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

viteliseev@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0927-512X>